
ПЕРВАЯ КОРРЕКТУРА К МАРСЕЛЮ ПРУСТУ.
УБИЙСТВО ПИРОЖНОГО «МАДЛЕН»

2000 МИНУС 3. АРТСПЕЙС ПЛЮС ИНТЕРФЕЙС

27 сентября – 31 октября 1997 года

Фестиваль *Штирийская осень*, Грац

Куратор – Вернер Фенц

Конец! Или начало? Последние строки из двух романов.

Цитата из романа Кафки *Процесс*:

«Но уже на его горло легли руки первого господина, а второй вонзил ему нож глубоко в сердце и повернул его дважды. Потухшими глазами К. видел, как оба господина у самого его лица, прильнув щекой к щеке, наблюдали за развязкой. – Как собака, – сказал он так, как будто этому позору суждено было пережить его».

Цитата из романа Пруста *По направлению к Свану*:

«Это всего лишь тонкий слой связанных между собой впечатлений, из которых складывалось наше прошедшее; воспоминание о некоем образе есть лишь сожаление о некоем миге. Дома, дороги, аллеи столь же – увьи! – недолговечны, как и года».

Один чудовищно уходит из мира, второй его не узнаёт, потому что он уже находится Там. А мы, откусывая от пирожного «мадлен», безнадежно пытаемся задержаться в нулевой точке (но разве можно задержаться хоть на секунду в настоящем?). Лишь Пруст оказался в точке, где открывается вид в обе стороны. Его точка-пирожное в шесть томов застряла в песочных часах посередине, в пересечении макро- и микромира. Пирожное оказалось промежуточной вселенной, сжатой

THE FIRST CORRECTION TO MARCEL PROUST
THE EXECUTION OF THE MADELEINE PASTRY

2000 MINUS 3. ARTSPACE PLUS INTERFACE

September 27th – October 31st, 1997

Styrian Autumn, Graz

Curator: Werner Fenz

The end! Or is it the beginning? Two novels' last lines.

From *The Trial* by Franz Kafka:

“But the hands of one of the gentleman were laid on K.'s throat, while the other pushed the knife deep into his heart and twisted it there, twice. As his eyesight failed, K. saw the two gentlemen cheek

by cheek, close in front of his face, watching the result. ‘Like a dog!’ he said, it was as if the shame of it should outlive him.”

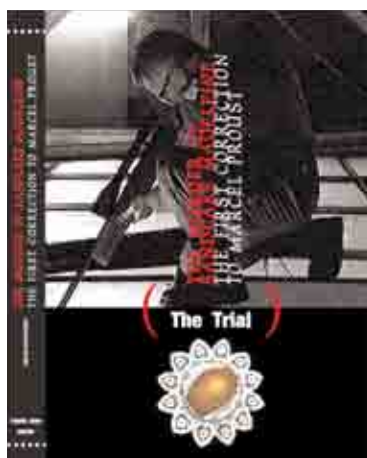
From *Swann's Way* by Marcel Proust:

“None of them was ever more than a thin slice, held between the contiguous impressions that composed our life at that time; remembrance of a particular form is but regret for a particular moment; and houses, roads, avenues are as fugitive, alas, as the years.”

One person leaves the world in a horrendous way, while the other does not recognize it at all, because he is already there. But in biting off a piece of the madeleine pastry, we desperately attempt to linger at the zero point (but is it really possible to linger in the present even for a second?). Only Proust found himself at a point that opened a vista into both directions. His pastry-point in six volumes came to a standstill in the sandy hours in between, in the

intersection between macrocosm and microcosm. The madeleine pastry appears as an interstitial universe, compressed to the size of a needle's eye by a gigantic hand. Proust was not in search of fugitive lost time; he stopped time itself. This is why his novel should not be called *In Search of Lost Time*, but *Inside of Stopped Time*. The project *The Execution of the Madeleine Pastry* is also an attempt to stop time, to depart from its intrusiveness and terrifying clamor. It reflects the desire to break up the infinity of associations. The first correction concerns the name of Proust's book. However, the author is certain that the method of execution or killing, chosen to fulfill the goals named above, is not the best of all possible methods. V. Zakharov

гигантской рукой до игольного ушка. Пруст не искал сбежавшее, утраченное время, он остановил время. Поэтому его роман должен называться не *В поисках утраченного времени*, а «Внутри остановленного времени». Проект *Убийство пирожного «мадлен»* – это тоже попытка остановить время, уйти от его назойливости и ужасающего шума, это желание разбить бесконечность его ассоциаций. Это первая корректура – к названию книги Пруста. Однако нет уверенности, что убийство – метод, выбранный для достижения этих целей, – самый лучший. В. Захаров

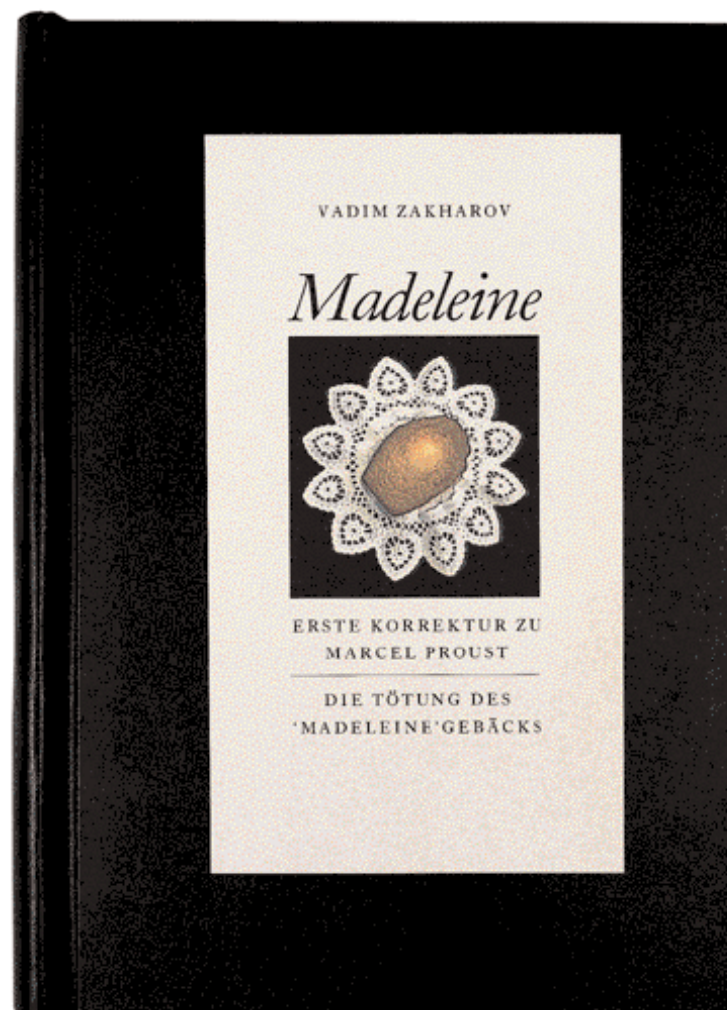

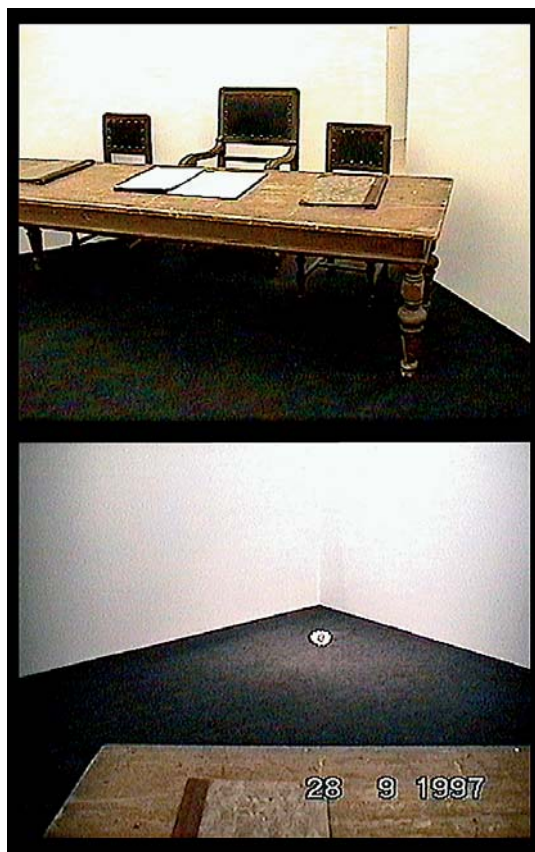
Обложки видеоиздания и книги. 1997

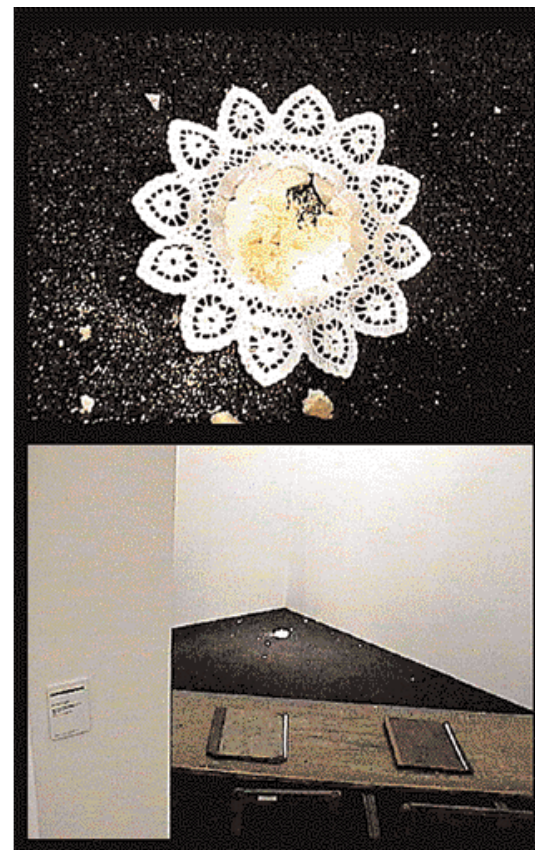
Видеосюжет о выстреле в пирожное «мадлен» австрийским полицейским 28 сентября 1997 года в 19 часов 54 минуты. Видеофильм включен в проект *Первая корректура к Марселю Прусту*. Фильм сопровождается фрагментом из реквиема *На смерть пирожного «мадлен»* (композитор Иван Соколов). Фестиваль *Штирийская осень*. DVD, 5 мин. 2000

Covers of videobox and book. 1997

A film on the execution of the Madeleine pastry, carried out by an Austrian police sniper from a rooftop on September 28th. 1997 at 19.54. The action was part of Vadim Zakharov's project *The First Correction to Marcel Proust* and took place in the framework of the festival *Styrian Autumn* (Austria). The film is accompanied by *Requiem for the Soul of the Madeleine Pastry*, composed by Ivan Sokolov. DVD, 5 min. 2000

Фотографии акции / Photos of the action. 1997

Фотографии участников проекта, пробующих пирожное «мадлен».
 Первый ряд (слева направо):
 Юрий Альберт, Мария Чуйкова,
 Юрий Лейдерман.
 Второй ряд: Анна Альчук,
 Дмитрий Пригов,
 Андрей Монастырский.
 Третий ряд: Сергей Ануфриев,
 Павел Пепперштейн,
 Михаил Рыклин.
 Четвертый ряд: Борис Гройс,
 Юрген Хартен, Иван Соколов,
 Вадим Захаров

Photos of project participants in the moment of
 eating the Madeleine pastry.
 First row, left to right:
 Yuri Albert, Maria Chuikova, Yuri Leiderman.
 Second row: Anna Alchuk, Dmitri Prigov,
 Andrei Monastyrsky.
 Third row: Sergei Anufriev, Pavel Pepperstein,
 Mikhail Ryklin.
 Fourth row: Boris Groys, Jürgen Harten, Ivan Sokolov,
 Vadim Zakharov

Нотные листы и обложка CD *Реквиема на смерть пифожного «мадлен»*. Композитор Иван Соколов. Наталия Пшеничникова и Иван Соколов исполняют реквием в церкви на Гогенцоллердам в Берлине, 1998 (преьера)

Sheet music and CD-cover for *Requiem for the Soul of the Madeleine Pastry*, composed by Ivan Sokolov. Natalia Pshenichnikova and Ivan Sokolov perform the requiem at its premiere in the Hohenzollerndamm-Church in Berlin, 1998

ПРОЕКТ РЕКВИЕМ

ФЕСТИВАЛЬ ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

Хеббель-театр, Берлин, 2003

Интервью с Вадимом Захаровым

ДИСКУРСИВНАЯ ПОЛИКЛИНИКА: Что кроется за *Реквиемом на смерть пирожного «мадлен»*, упоминаемого Марселем Прустом? Но «мадлен» уже мертва?!

ВАДИМ ЗАХАРОВ: Убийство пирожного «мадлен» произошло в 1997 году в Граце, ну а теперь должны состояться подобающие церемонии. Мне кажется важным открыть фестиваль именно реквиемом – начать с конца. Обычно реквиемом завершают, а у нас он знаменует начало. Это переворачивает наше с вами пространство «искусство и преступление» с конца в начало – в «преступление и искусство», а это, согласитесь, совсем другое. Ведь в криминальных романах чаще всего сюжет начинается именно так – происходит преступление, а уже потом следствие. «Мадлен» – архив бесконечных ассоциаций, которые Пруст ощутил почему-то в бисквитном пирожном.

У каждого из нас существуют свои «пирожные» и свои нескончаемые, изматывающие цепочки ассоциаций, когда одно цепляется за другое. В проекте 1996 года я попытался остановить это, что по сути бессмысленно и безрассудно. В «мадлен» выстрелил с крыши австрийский полицейский (эта деталь, думаю, имеет интересный аспект уже в контексте нашего проекта) и разнес ее на куски.

ДПК: Почему вы обратились к прустовскому «мадлен»? Это обращение к серьезной и высокой культуре.

ЗАХАРОВ: Дело в том, что вся история с «мадлен» стала сегодня синонимом псевдоинтеллектуальности. Вроде: «Вы помните, как великий Пруст... Невероятно! Гениально!» Да. Кто с этим спорит? Но одновременно это стало шаблоном, штампом, духами *Шанель* или блузкой от Кензо. Во всяком случае, я обнаружил «мадлен» на границе между сверхсерьезным и кичевым. Быть псевдоинтеллектуальным – значит быть кичевым. Я решил ввести Пруста в *Процесс* Кафки. Это странная процедура. Но мне нужна была архитектоника, а Кафка блестящий мастер ее воздвигать. Пруст оказался внутри Собора Наказания, который построил Кафка. А инсталляция имитировала процесс – огромный длинный стол и три стула с высокими спинками, а в углу лежали разлетевшиеся от выстрела маленькие кусочки «мадлен». В общем, грустная история.

THE REQUIEM PROJECT

Art and Crime

Hebbel Theater, Berlin, 2003

Interview with Vadim Zakharov

DISKURSIVE POLYKLINIK: What is the *Requiem for the Soul of the Madeleine Pastry* all about? Isn't Marcel Proust's madeleine pastry already dead?

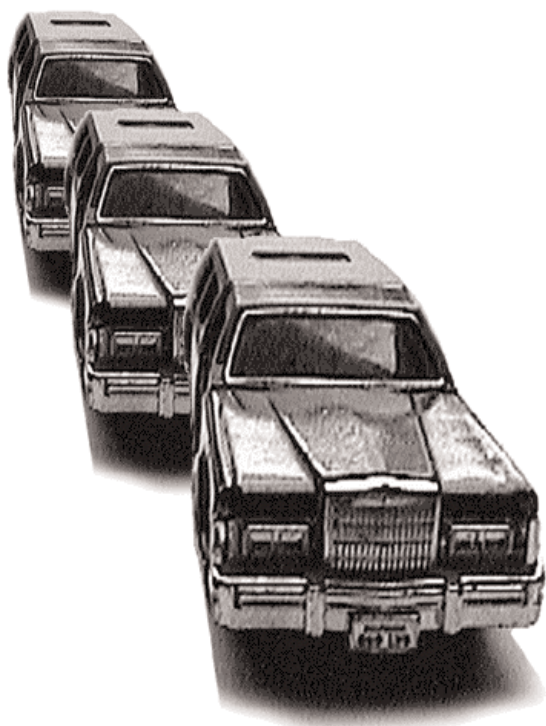
VADIM ZAKHAROV: *The Execution of the Madeleine Pastry* took place in Graz in 1997, and now, it's time for a dignified ceremony to honor its memory. To me, it seems important for a festival to begin with nothing less than a requiem, to begin with an ending. After all, a requiem usually marks an ending, but here, it stands in place of a beginning.

This invents the space that you and I are in – *Art and Crime* – replacing its end with its beginning, transforming it into “Crime and Art,” which I am sure you agree is something completely different. After all, the plots of most crime novels usually begin in this way – a crime takes place, and then comes the investigation. The madeleine

is an archive of endless associations, which Proust saw in a pastry, for some reason. Each of us has our own “pastry,” our own endless, exhaustive chain of associations, when one thing hooks into and draws in another. In the project of 1996, I tried to stop this chain from unraveling, which is essentially pointless and unreasonable. The madeleine pastry was shot by a rooftop sniper who belonged to the Austrian police (a detail that I think presents an interesting aspect of our present project); it was basically blown to bits.

DPK: Why did you choose to address the Proustian madeleine? This is a reference to serious, high culture.

ZAKHAROV: This thing is that today, the whole story with the madeleine pastry has become a synonym for pseudo-intellectualism. This goes something like: you remember how the great Proust...Unbelievable! A work of genius. Yes, of course, some people take issue with this. But at the same time, this has become a template or stereotype, a perfume by Chanel or a blouse by

Kenzo. Be this as it may, I found the madeleine lying on the border between extreme seriousness and kitsch. To me, pseudo-intellectualism is a form of kitsch. I decided to fuse Proust with Kafka's *Trial*. This is a strange procedure. But what I need was architectonics, and Kafka is a brilliant master of construction. Proust turned out to be inside of the Cathedral of Punishment that Kafka built. In fact, the installation itself imitated a trial: it consisted of a long table and three chairs with high backs, while the madeleine was lying on the table's corner in little pieces, blown apart by the impact of the bullet. A sad story, basically.

DPK: The festival is taking place during the week of All Saints, and we are beginning it with a requiem. This makes us want to ask you about the connection between theater and church, or the theater as a space in which we are now hearing a requiem.

ZAKHAROV: There are no greater antagonists than theater and church, even if you will find that they have a lot in common if you

Наталья Пшеничникова, Иван Соколов и Вадим Захаров в лимузине с пирожным «мадлен». День открытия фестиваля
Natalia Pshenichnikova, Ivan Sokolov, and Vadim Zakharov in the limousine with the madeleine pastry in the driveway of the Hebbel Theater on the festival's opening night

Наталья Пшеничникова, одетая как примадонна, и Иван Соколов исполняют реквием в Хеббель-театре
Natalia Pshenichnikova, dressed as a prima donna, and Ivan Sokolov perform the Requiem in the Hebbel Theater

ДПК: Фестиваль состоится в Неделю всех святых, и мы начинаем его с реквиема. Хочется спросить Вас о связи театра и церкви: театр как пространство, где мы станем слушать реквием.

ЗАХАРОВ: Нет бóльших антагонистов, чем театр и церковь, хотя, если обратиться к истокам театра и религиозных мистерий, можно обнаружить много общего. Сегодня (на Западе, конечно) явно виден диалог между сакральным и театральным. Мне как псевдопастору необходима идеологическая площадка – я, как вы знаете, уже не первый год выступаю в облике Пастора, точнее, Глупого пастора. Это, кстати, важное дополнение. Для русских художников идеология всегда играла важную роль. В России по сегодняшний день церковь и театр – антагонисты. Но зато огромное количество сект, появившихся после перестройки, часто используют помещения театров и кинотеатров для своих целей. В нашем случае все перевернуто – начало и конец, черный траурный цвет (единственно приемлемый для реквиема) и вульгарные кордебалетные аксессуары примадонны. Вы же знаете, в каком костюме будет выступать Наталия Пшеничникова. Но мы в результате должны воспроизвести атмосферу сакрального места, но – сакрального места глупости и смеха. Потому как единственный выход из кафкианского мрака – это смех. Исполнение реквиема должно создать спиритуальную атмосферу, почти литургию.

look at the sources of theater and religious mystery. Of course, in the West today, one can clearly see a dialogue between the sacred and the theatrical. As a pseudo-pastor, I need an ideological platform – as you know, I've been appearing in the guise of the pastor, or to be more precise, the Foolish Pastor. This is an important addition, by the way. For Russian artists, ideology has always played an important role. In Russia, the church and the theater are enemies still today. But on the other hand, a huge number of sects that appeared after the Perestroika often used theaters or movie theaters to their own ends. In our case, everything has been turned upside down, the beginning and the end, the black color of mourning (the only acceptable color for a requiem) and the prima donna's vulgar, cabaret-like accessories: you know, the kind of costume Natasha Pshenichnikova is going to perform in. But at the same time, we want to reproduce the atmosphere of a sacred place, although this is the sacred space of folly and laughter. Because the

only exit from Kafka's gloom is laughter. The performance of a requiem is supposed to create a spiritual atmosphere, a liturgy.

ДПК: Let's get back to the archive one more time. How does the archive work?

ЗАХАРОВ: I'm creating a parody. On the one hand, I kill the madeleine pastry (a virtual archive), but on the other hand, I've been collecting a real archive of the Moscow conceptualist scene (for the last fifteen years). This is an important aspect of my activity as a contemporary artist. A way out of this paradox is only possible through the introduction of a third element. In our case, these are "Hollywood stars." I mean the motorcade of limousines from Potsdamer Platz to the theater's driveway, and our exit onto the carpet like Hollywood stars. The Requiem is both a funeral ceremony for virtual memory and a triumphant mass that celebrates the most important thing we have, namely the tradition of culture.

ДПК: Еще раз вернемся к архиву. Как функционирует архив?

ЗАХАРОВ: Я создаю пародию. Я убиваю «мадлен» (виртуальный архив), но одновременно составляю (уже 15 лет) реальный архив московской концептуальной сцены. Это важный аспект моей деятельности как современного художника. Выход из этого парадокса возможен при введении третьего элемента. В нашем случае – «голливудские звезды». Я имею в виду процессию лимузинов по Потсдамерплац к подъезду театра и наш выход как звезд Голливуда на подмости. Это церемония похорон виртуальной памяти и одновременно торжественная месса по самому важному, что у нас есть, – культурной традиции.